Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Том 18. № 3.
Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. Vol. 18, no 3.

Право в современном мире

Научная статья
УДК: 341.9
JEL: K3
DOI:10.17323/2072-8166.2025.3.154.180

Инструменты антисанкционного регулирования в глобальном трансграничном пространстве

Андрей Игоревич Щукин

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Россия, 117218, Москва, Большая Черемушкинская ул., 34,

pil@izak.ru, https://orcid.org/0000-0002-4539-6876

Аннотация

Расширение спектра и изменение характера односторонних санкций отдельных государств привело к появлению нового термина — «вторичных» санкций (в противовес более традиционным «первичным» санкциям). В ответ отдельные государства и их союзы стали принимать законы, направленные на достижение в первую очередь политических целей с помощью контрсанкций. Практически большинство действующих в различных странах законов о блокировке содержат положение о несоблюдении, запрещающее частным лицам и организациям соблюдать, например, законы США о санкциях, которые применяются за пределами этой страны и имеют экстерриториальный характер. Блокирующие законы являются важными вехами в продолжающихся дебатах о нелегитимности вторичных санкций. Реализация положения о несоблюдении подверглась резкой критике за создание ситуации, при которой частные операторы сталкиваются с дилеммой: в каком случае соблюдение закона о блокировке приведет к нарушению тех же правил о санкциях США, а в каком — *vice versa*. Санкционное давление связано зачастую с необходимостью субъектов одного государства приспосабливаться к применимости более чем одной правовой системы с противоположными векторами законодательной политики. Таковы правовая действительность и естественное следствие современного многополярного мира. Используя блокирующие законы в качестве внутренних правовых механизмов, государства не только способствуют соблюдению международных стандартов экстерриториального правотворчества, сокращая

© Щукин А.И., 2025
Данная публикация лицензируется соответственно условиям лицензии Creative Commons Attribution-Sharealike 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode.ru

ссылки на заблокированные иностранные нормы, но и защищают собственные суверенные интересы, регулируя степень применимости иностранного права и уменьшая количество нормативных обязательств, которые субъекты данного государства вынуждены порой выполнять vis-à-vis к множеству других правопорядков. Тем временем геополитическая конкуренция в этом контексте породила интенсивное, острое юридическое соперничество и коллизии при правовой регламентации экономических отношений в глобальном трансграничном пространстве, которые еще предстоит преодолеть современной цивилизации.

Ключевые слова

ограничительные меры экстерриториального характера; вторичные санкции; экстерриториальное правотворчество; антисанкционные меры; блокирующий закон; экономический суверенитет.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01769 (https://rscf.ru/project/23-28-01769/).

Статья подготовлена с использованием материалов справочно-поисковой системы Консультант Плюс.

Для цитирования: Щукин А.И. Инструменты антисанкционного регулирования в глобальном трансграничном пространстве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Том 18. № 3. С. 154–180. DOI:10.17323/2072-8166.2025.3.154.180

Law in the Modern World

Research article

Tools of Anti-Sanction Regulation in Global Cross-Border Space

Andrey I. Shchukin

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str., Moscow 117218, Russian Federation, pil@izak.ru, https://orcid.org/0000-0002-4539-6876

Abstract

Broadening range and changing the nature of unilateral sanctions by individual states has led to a new label of so-called «secondary» sanctions as opposed to more traditional «primary» sanctions. In response individual states of their alliances have approved laws aimed primarily at achieving political objectives through countersanctions. Almost all blocking laws in various countries contain a non-compliance clause prohibiting individuals and organizations from complying with, for example, US sanctions laws that apply outside the country and are extraterritorial. Blocking laws are important landmarks

in the ongoing debate about the illegitimacy of secondary sanctions. The implementation of the non-compliance provision has been harshly criticized for creating a situation in which private operators face a dilemma: in that case compliance with the blocking law would violate the same US sanctions rules, and *vice versa*. The negative pressure experienced under sanctions is often related to the need of one state's agents to adapt to the applicability of more than one legal system with opposite vectors of legislative policy. This is the legal reality and a natural consequence of today's multinational world. By implementing the blocking laws as domestic legal mechanisms, states not only promote compliance with international standards of extraterritorial lawmaking by reducing references to blocked foreign norms, but also do protect their sovereign interests, regulating the extent of applicability of foreign law and reducing the number of normative obligations that the subjects of this state are sometimes forced to perform vis-à-vis a multitude of other legal orders. Meanwhile, geopolitical competition in this context has generated intense, acute legal rivalries and conflicts in the legal regulation of economic relations in a global cross-border space that have yet to be overcome for the successful development of modern civilization.

Keywords

restrictive measures of an extraterritorial nature: secondary sanctions: extraterritorial law-making; anti-sanctions measures; blocking law; economic sovereignty.

***Acknowledgments*:** The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-01773 (https://rscf.ru/project/23-28-01773/).

The article was prepared with using materials from the reference and search system Consultant Plus.

For citation: Shchukin A.I. (2025) Tools of Anti-Sanction Regulation in Global Cross-Border Space. *Law. Journal of the Higher School of Economics,* vol. 18, no. 3, pp. 154–180 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2025.3.154.180

Введение

В начале 1980-х годов, когда госсекретарь США Д. Шульц выражал сожаление о «дипломатии рубильника»[1], а Президент Р. Рейган критиковал Дж. Картера за ограничение экспорта американской сельскохозяйственной продукции в Россию, могло создаться впечатление, что экономические санкции станут менее заметной чертой международных отношений. Однако, как отмечают Г.К. Хафбауэр и Э. Юнг, все произошло наоборот: по иронии судьбы, начиная с администрации Рейгана, санкции стали вводиться все чаще [Hufbauer G.C., Jung E., 2021: 26]. Более широкие последствия санк-

[1] «Я называю это дипломатией с помощью выключателя света», — говорил Шульц об использовании внешней торговли в качестве инструмента внешней политики. Available at: URL: https://www.upi.com/Archives/1982/08/30/Secretary-of-State-George-Shultz-called-the-governments-use/6631399528000/ (дата обращения: 25.12.2024)

ций США, по мнению К.А. Хартвела, проявились лишь после распада Совета экономической взаимопомощи и СССР [Hartwell C.A., 2024: 47]. В свете этого очевидно, что в реалиях противостояния санкционной политике недружественных России государств нельзя недооценивать выгоду от сложения потенциалов государств-партнеров, их объединения и тесного, расширенного сотрудничества, взаимодействия в рамках тех же Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического союза, БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества и других межгосударственных организаций, трансрегиональных интеграционных объединений.

Практика применения государствами санкций в XXI веке скорее напоминает эволюцию, чем революцию. В последние два десятилетия преобладающей тенденцией был переход от всеобъемлющих санкций к «умным»[2] или «целенаправленным» санкциям [Hufbauer G.C., Jung E., 2021: 28]. Мы живем в эпоху, когда влиятельные государства вводят ограничения на торговые и финансовые операции с другими государствами и негосударственными акторами для достижения политических целей. В частности, государства, контролирующие ключевые узлы всемирной финансовой, экономической и технологической сетей, могут использовать глобальную взаимозависимость и обладать огромной экстерриториальной властью над другими участниками мировой системы. Они могут ограничить экспорт чувствительных технологий, прекратить банковское обслуживание или прервать глобальные цепочки поставок. Основным последствием этих мер и контрмер является деградация многосторонней международной экономической системы.

В XXI веке появилось новое «оружие», способное влиять на поведение адресата санкционной политики. Так, рост напряженности в американо-китайских отношениях может привести, как указывает ряд аналитиков, к эскалации «санкционной войны» и побудить Пекин перейти к введению жестких контрсанкций против транснациональных корпораций, получающих существенную долю прибыли на китайском рынке, а также прибегнуть к крупным судебным процессам с требованием возмещения ущерба от экстерриториального применения санкций [Бакулина П.В., Кузьмина К.А., 2021: 36].

Произошло резкое увеличение количества и масштабов применения государствами односторонних санкций, также известных как автономные [Ryngaert C., Ruys T., Rodríguez Silvestre F., 2024: 1] для достижения политических целей. Традиционно односторонние

[2] Например, см.: Право в условиях санкций / под ред. М.В. Мажориной. М., 2023. С. 45 (автор параграфа — Е.В. Васякина).

санкции ограничивают, в частности, торговое или финансовое взаимодействие между экономическими операторами, находящимися в государстве, применяющем санкции, и операторами, находящимися в государстве-мишени или государстве, подвергшемся санкциям. Стремясь усилить давление на государство — мишень санкций, государства, применяющие санкции, могут расширить радиус их действия. Например, они могут пойти дальше, нацеливаясь на транзакции между операторами третьего государства и государства, подвергшегося санкциям, связывая такие транзакции с различными последствиями. Санкции принимают разнообразные формы, их результат может заключаться в ограничении доступа, например, в запрете операторам из третьих стран выходить на финансовые и торговые рынки государства, против которого введены ограничительные меры. США недвусмысленно прибегали к вторичным санкциям и применяли их, в частности, против Ирана, Ливии и Кубы. Европейский союз активно движется в этом направлении с 2022 г. в рамках ограничительных мер против России.

Министры государств-участников Группы 77[3] и Китая, собравшихся на XV сессии Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) в Бриджтауне (Барбадос) 3–7 октября 2021 г., в Декларации «От неравенства и уязвимости к процветанию всех» решительно осудили введение законов и нормативных актов, имеющих экстерриториальное действие, и все другие формы односторонних принудительных мер, финансово-экономических и торговых мер, включая односторонние санкции против развивающихся стран, а также обратили внимание международного сообщества на необходимость принять срочные шаги для прекращения таких мер[4].

1. Блокирующие законы vs вторичных санкций

Расширение спектра и изменение характера односторонних санкций привело к появлению нового ярлыка так называемых «вторичных» санкций в противовес традиционным «первичным» санкциям. В доктрине подчеркивается, что поскольку использование компаний в других государствах в качестве посредников или ключевых партнеров является распространенным способом обхода санк-

[3] Подробнее о создании Группы 77 на Конференции ЮНКТАД, например, см.: Декларацию министров к сороковой годовщине Группы 77. TD/405, 12 June 2004.

[4] См.: United Nations Conference on Trade and Development, Ministerial Declaration of the Group of 77 and China to UNCTAD XV (Virtual Barbados, 4 October 2021), TD/522. Para 12.

ций, то Управление по контролю за иностранными активами (Office of Foreign Assets Control) — подразделение Министерства финансов США стало вводить вторичные санкции против таких организаций, базирующихся в этих странах [Volkov S., 2024: 453–454][5]. Однако данный госорган продемонстрировал, на взгляд Д. Мигера, недостаточное внимание к американским партнерам при наложении санкций на отдельных лиц или организации, их наказании за нарушение вторичных санкций [Meagher D., 2020: 999].

Понятие вторичных санкций — не только теоретическая конструкция, оно все чаще встречается в юридическом и политическом дискурсе. Точные контуры этого термина остаются спорными. В некотором смысле вторичные санкции означают санкции, которые вводятся против иностранных экономических операторов, чья деятельность никак не связана с государством, применяющим санкции. Это можно сравнить с ситуацией, когда США налагают санкции на оператора из третьей страны (например, на компанию, базирующуюся в ЕС), который ведет бизнес с объектом санкций США, например, с компанией из Ирана, включенной в санкционный список США (Specially Designated Nationals List). Подобная коммерческая операция может быть полностью иностранной и не иметь никакой связи с США, но данное государство все равно может принять решение о применении санкций к иностранному оператору, ограничив его доступ на территорию и рынки США, т.е. подразумевается экстерриториальное применение санкций. Поступая таким образом, США вынуждают оператора принять решение: продолжать вести бизнес с объектом санкций или вести бизнес в Штатах. Такая стратегия может вести к тому, что оператор решит отказаться от деловых отношений с объектом санкций, памятуя прибыльность американского рынка для международных операторов и доминирующее положение доллара в глобальных финансовых транзакциях.

Вторичные санкции посягают на экономический суверенитет третьих государств и свободу их экономических субъектов вести международный бизнес. Они в состоянии нарушить принцип невмешательства, поскольку могут быть расценены как принуждение другого государства следовать определенному пути. Названный вид санкций вызывает обеспокоенность не только у государств. Данные ограничительные меры также способны стать причиной затрудне-

[5] Также, например, см.: Press Release of U.S. Department of the Treasury's Office of Foreign Assets Control: Treasury Imposes Sanctions on More than 150 Individuals and Entities Supplying Russia's Military-Industrial Base (Dec. 12, 2023). Available at: URL: https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy1978 (дата обращения: 25.12.2024)

ний экономических операторов, чья потенциальная подверженность вторичным санкциям усложняет и без того запутанную систему, «паутину» норм, регулирующих их международные деловые операции в разных юрисдикциях. Введение вторичных санкций увеличивает нагрузку на международные компании и финансовые учреждения, которые должны выделять значительные ресурсы, чтобы их деятельность соответствовала не только международным и внутренним нормам, но и законам третьих государств о санкциях[6].

Кроме того, вторичные санкции могут вынудить операторов остановить или расторгнуть договорные отношения — коммерческие сделки, которые могут быть полностью законными в соответствии с договорным правом, или подвергнуть их риску потери доступа к рынку государства, применяющего санкции. Прекращение действия коммерческих контрактов, их расторжение из-за риска вторичных санкций не является простым юридическим вопросом в сфере применения норм международного частного права и договорного права. Создается ряд юридических заптруднений, коллизий, местные нормативные ограничения не позволяют операторам расторгнуть договорные отношения, ставя их в затруднительное положение между молотом и наковальней [Ryngaert C., 2023: 517–531].

Порой следствием размывания границ между экономическими и внешнеполитическими целями государственной политики является ослабление дисциплинирующего воздействия правил международной торговли на основные торгующие страны. В ходе всесторонней борьбы за «международную конкурентоспособность» правительства склонны, как отмечал Э.-Й. Местмекер, отождествлять свои национальные интересы с интересами своих компаний [Mestmäcker E.-J., 1988: 209].

Механизмы предупреждения и подпадания лиц под вторичные санкции, как отмечается в доктрине, приобретают большое значение [Старженецкий В.В., Бутырина В.А., Курицына К.С., 2021: 119–142]. В ответ на неправомерность вторичных санкций и/или их неблагоприятные последствия отдельные государства, их объединения стали принимать законы, направленные на достижение политических целей с помощью антисанкций/контрсанкций. Путем введения законов о блокировании или создания инструментов по борьбе с принуждением[7] (anti-coercion

[6] Как отмечают отдельные ученые, множество нормативных актов существенно затрудняет работу компаний, на которые введенные ограничительные меры непосредственно не распространяются и которые, однако, пытаются соблюдать все применяемые законы [Volkov S., 2024: 462].

[7] Например, см.: Regulation (EU) 2023/2675 of 22 November 2023 on the protection of the Union and its Member States from economic coercion by third countries. Available at: URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/2675/oj/eng (дата обращения: 25.12.2024)

instruments) третьи государства среди прочих мер запрещают экономическим операторам соблюдать иностранные вторичные санкции и предусматривают контрсанкции. При этом вопрос об действенности таких ответных мер не до конца определен.

Один из первых актов о блокировке действует с 1947 г. в провинции Онтарио (Канада) — это Закон о защите деловой документации[8], призванный воспрепятствовать антимонопольным расследованиям США в отношении канадских производителей бумаги. Среди других блокирующих законов, в частности, Закон Австралии о судебных разбирательствах за рубежом (превышение юрисдикции)[9], Закон Канады об иностранных экстерриториальных мерах[10], Закон Мексики о защите торговли и инвестиций от иностранных норм, противоречащих международному праву[11].

В известной степени прототипом названных законодательных актов стал принятый английским парламентом в 1980 г. Закон о защите торговых интересов (Protection of Trading Interests Act[12]), касающийся контролирования ограничительной практики в международной сфере [Lowe A.V., 1981: 257]. При принятии Закона целью правительства, по словам министра торговли, было «подтвердить и усилить защиту Соединенного Королевства от попыток других стран навязать нам их экономическую и торговую политику в одностороннем порядке» [Lowe A.V., 1981: 257]. Достижение этой цели предполагалось в общем за счет сочетания трех мер.

Во-первых, это наделение правительства полномочиями запрещать гражданам и предприятиям страны выполнять распоряжения иностранных властей, когда эти распоряжения имеют экстерриториальные последствия и наносят ущерб английским торговым интересам. Во-вторых, запрет английским судам исполнять иностранные судебные решения, связанные с присуждением многократного воз-

[8] См.: Business Records Protection Act, [1947] RSO 1990, c B.19. Available at: URL: https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=3314&context=rso (дата обращения: 25.12.2024)

[9] См.: Foreign Proceedings (Excess of Jurisdiction) Act 1984, No 3. Available at: URL: https://www.legislation.gov.au/C2004A02867/latest/text (дата обращения: 15.12.2024)

[10] См.: Foreign Extraterritorial Measures Act, RSC 1985, c F-29 (Can). Available at: URL: https://www.canlii.org/en/ca/laws/stat/rsc-1985-c-f-29/latest/rsc-1985-c-f-29.html (дата обращения: 15.12.2024)

[11] См.: Ley de Protección al Comercio y la Inversión de Normas Extranjeras que contravengan el Derecho Internacional, 23 de octubre de 1996. Available at: URL: https://leyco.org/mex/fed/63.html (дата обращения: 25.12.2024)

[12] Available at: URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1980/11 (дата обращения: 15.12.2024)

мещения убытков, и некоторые другие судебные постановления, касающиеся применения ограничительной практики[13]. Примечательно, что в принудительном исполнении должно быть отказано, даже если нет сомнений, что иностранный суд обладал юрисдикцией[14]. В-третьих, признание права английских граждан или предприятий, в отношении которых иностранные суды присудили многочисленные убытки, взыскать с первоначального истца ущерб некомпенсаторного характера путем подачи иска в суд Соединенного Королевства (clawback mechanism).

Хотя приведенный английский закон направлен против иностранных властей в целом, известно, что он в первую очередь предназначен для борьбы с тем, что рассматривается как ущемление британской юрисдикции и торговых интересов властями США.

Условно систему законов о блокировании допустимо разделить на несколько уровней, где одна группа нормативных актов направлена на блокирование обнаружения доказательств за рубежом для использования в местных судебных разбирательствах[15]; другой вид

[13] Примером может служить дело *Service Temps Inc. v MacLeod*, в котором ст. 5 Закона о защите торговых интересов (1980) была применена для блокирования признания и приведения в исполнение решения суда США о возмещении ущерба в тройном размере. См.: Court of Session (Outer House) (Scotland): [2013] CSOH 162 (opinion of Lord Hodge).

[14] По всей видимости, неисполнимость таких иностранных судебных решений отражает общий принцип, согласно которому суверенные государства не принимают на себя обязательства по принудительному осуществлению государственной экономической политики других суверенных государств. Так, в зарубежной литературе отмечалось, что «иностранное публичное право в любом случае игнорируется, если оно пытается, подобно эмбарго США, навязать стране такие цели экономической и социальной политики, которых немецкий законодатель не разделяет». Равным образом императивные законы в экономической сфере, основанные на соображениях общественного благосостояния, публичного интереса (publica utilitas), принципиально не применяются судами других государств. Причина, по которой можно ожидать последовательного и взаимного применения законов других государств, заключается в признании правовых отношений, узаконенных строго частной автономией [Mestmäcker E.-J., 1988: 212, 213]. При этом даже если автономии сторон должно быть отведено место в этом контексте, стороны в любом случае не свободны договариваться об иностранных правилах, которые, как и эмбарго США, противоречат публичному порядку форума [Basedow J., 1983: 157, 160]. Тем не менее, как утверждают отдельные аналитики, применение иностранного публичного права теоретически возможно, полезно и наблюдается в правовой реальности [Hemler A., 2025: 132].

[15] Связано это отчасти с притязаниями тех же американцев на материальную юрисдикцию, сопровождающимися стремлениями к обширной юрисдикции в процессуальных вопросах, в частности, в вынесении постановлений о направлении в суды США документов, находящихся за границей у иностранцев [Toms B.C.,

актов направлен на противодействие собственно односторонним, экстерриториальным санкциям иностранных государств. Юрисдикционные контрмеры, направленные на воспрепятствование любому противоправному осуществлению юрисдикции другим государством, исследователи делят на предписывающие, судебные и исполнительные меры, которые включают законы о блокировании, запретительные законы, законы о непризнании и неисполнении распорядительных актов, процессуальных ограничениях и ответных мерах [Seyed Y.Z., 2016: 27, 37].

В настоящее время акцент блокирующих законов сместился на борьбу с негативными последствиями экстерриториального применения односторонних законов о санкциях. Сравнительно недавно, в сентябре 2020 г., Министерство торговли Китая опубликовало Положение о списке ненадежных организаций[16], а в январе 2021 г.– Меры противодействия необоснованному экстерриториальному применению иностранного законодательства и других мер[17]. В июне 2021 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял Закон о противодействии иностранным санкциям[18], чтобы исключить последствия «дискриминационных и ограничительных» мер, введенных иностранными государствами против китайских организаций. В течение длительного времени Пекин предпочитал использовать широкий спектр непрозрачных неформальных ограничений, однако нарастание давления Запада, в ходе которого Китай становился объектом многочисленных санкций США и их союзников, побудило КНР, как отмечает ряд авторов, перейти к созданию комплексного механизма противодействия иностранным огра-

1981: 585– 608]. Также см.: House of Lords, UK: *Rio Tinto Zinc Corporation and others v. Westinghouse Electric Corporation*. [1978] AC 547. Принцип в названной ситуации, как полагает, в частности, А.В. Лоу, тот же самый: английское правительство должно обладать полномочиями, необходимыми для обеспечения того, чтобы оно, а не какие-либо иностранные власти, могло определять политику ведения бизнеса в Великобритании [Lowe A.V., 1981: 275–276].

[16] См.: Order No. 4 of 2020 on Rules on the Unreliable Entity List (UEL Provisions). Available at: URL: https://english.mofcom.gov.cn/Policies/AnnouncementsOrders/art/2020/art_26e3c471536d443c944d60c91bacaf9a.html (дата обращения: 15.12.2024)

[17] См.: Order No. 1 of 2021 on Rules on Counteracting Unjustified Extraterritorial Application of Foreign Legislation and Other Measures (Blocking Rules). Available at: URL: https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/rules-on-counteracting-unjustified-extra-territorial-application-of-foreign-legislation-and-other-measures-20210109#google_vignette (дата обращения: 15.12.2024)

[18] См.: 中华人民共和国反外国制裁法 (Anti-foreign Sanctions Law of China). Available at: URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-06/11/content_5616935.htm (дата обращения: 15.12.2024)

ничительным мерам на уровне законодательства [Бакулина П.В., Кузьмина К.А., 2021: 36].

Принятие Китаем блокирующих законов, по определению Гуицян Лю, означает важный шаг к защите национального суверенитета, безопасности и интересов развития от экстерриториального воздействия иностранных односторонних санкций. Это законодательство не только обогатило правовой инструментарий Китая, но и продемонстрировало непоколебимость отношения государства к названным санкциям. Хотя есть оценки и размышления другого порядка: блокирующие законы Китая могут быть контрпродуктивными; указывается также на их ограниченность в противодействии односторонним санкциям США. По мнению отдельных китайских специалистов, применение перечисленных правовых актов может непреднамеренно привести к возникновению дополнительных проблем для частных сторон к повышенной правовой неопределенности, возникновению противоречивых юридических обязательств и усложнению разрешения споров между частными субъектами [Liu G., 2024: 154, 155, 162].

Такую ситуацию иллюстрирует, например, дело *Bank Melli Iran v. Telekom Deutschland GmBH*[19], переданное в итоге на рассмотрение Суда Евросоюза. Вскоре после внесения иранского банка Melli в американский список заблокированных лиц (Specially Designated Nationals List), немецкая компания Telekom уведомила банк о решении немедленно прекратить договорные отношения. Однако Суд применил строгий подход и постановил, что расторжение контракта компанией Telekom означает нарушение Регламента ЕС о защите от последствий экстерриториального применения законодательства, принятого третьей страной,[20] (именуемого также Регламентом о блокировке). Решение Суда неизбежно поставило экономического оператора Telekom, находящегося в ЕС, в затруднительное положение. Если он продолжит договорные отношения с иранским банком, появляется риск того, что на него будут наложены вторичные санкции США. С другой стороны, если европейская компания в одностороннем порядке расторгнет контракт, это будет рассматриваться как нарушение ею обязательства по несоблюдению вторичных санкций США, предусмотренного ст. 5 Регламента о блокировке.

[19] Court of Justice of the European Union: *Bank Melli Iran v. Telekom Deutschland GmbH*, Judgment of 21 December 2021, Case C-124/20. EU:C:2021:1035.

[20] См.: Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom. Available at: URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/1996/2271/oj/eng (дата обращения: 15.12.2024)

2. Формирование российской модели антисанкционного правового регулирования

В правовом пространстве Российской Федерации также образовался целый пласт нормативных актов, формирующих юридические основы антисанкционного регулирования. Выстраивание этой новейшей правовой базы стало ответом на ужесточившиеся санкции против России и призвано защитить корпоративные, налоговые, таможенные и иные общественные отношения в условиях сегодняшних вызовов [Бутакова Я.С., 2023: 72–80]; [Габов А.В., 2023: 96–141]. Так, Федеральный закон № 422-ФЗ от 4.08.2023 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[21] (далее–Закон № 422) изменяет текущее регулирование применения специальных экономических мер (контрсанкций), а также вводит новые меры воздействия на российских лиц, не соблюдающих установленных специальных мер. Этими новыми нормами дополняется Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах»[22] (далее — Закон о спецмерах), в соответствии с которым специальные экономические меры могут быть направлены на:

запрет (ограничение) на совершение финансовых операций в отношении блокируемых лиц;

запрет или установление ограничений на осуществление внешнеэкономических операций;

прекращение или приостановление действия международных торговых договоров и иных международных договоров России в области внешнеэкономических связей;

запрет на участие в международных научных и научно-технических программах и проектах, научных и научно-технических программах и проектах иностранного государства;

замораживание (блокирование) денежных средств и (или) иного имущества, принадлежащих блокируемым лицам, а также финансовых операций, совершаемых в интересах и (или) в пользу блокируемых лиц.

Реализация специальных экономических мер, согласно Закону о специальных мерах в редакции Федерального закона от 8.08.2024 № 275-ФЗ[23], обязательна также для филиалов, через которые ино-

[21] СЗ РФ. 07.08.2023. № 32 (Часть I). Ст. 6154. Закон вступил в силу 01.02.2024.

[22] СЗ РФ. 01.01.2007. № 1 (1 ч.). Ст. 44.

[23] См.: Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О банках и банковской деятельности” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 12.08.2024. № 33 (Часть I). Ст. 4971.

странные организации осуществляют деятельность на территории России. Более того, принудительные меры, их введение, изменение, приостановление или отмена имеют обязательный характер для филиалов иностранных организаций, через которые иностранные организации осуществляют деятельность на российской территории.

Согласно Закону № 422 в Закон о специальных мерах вводится новое понятие — «блокируемые лица», под которыми понимаются:

иностранные государства, и (или) иностранные организации, и (или) иностранные граждане, и (или) лица без гражданства, определяемые Президентом (ст. 4 Закона о спецмерах);

юридические лица, подконтрольные иностранным организациям, и (или) иностранным гражданам, и (или) лицам без гражданства (для контроля необходимо, чтобы такие лица имели возможность прямо или косвенно распоряжаться самостоятельно или совместно более чем 50% голосов в высшем органе управления подконтрольного юридического лица).

В названных правилах не указывается, что речь идет исключительно о лицах, связанных с недружественными государствами. Реализация рассматриваемых мер, направленных на запрет (ограничение) совершения финансовых операций и (или) замораживание (блокирование) денежных средств и (или) иного имущества, принадлежащих блокируемым лицам, а также финансовых операций, совершаемых в интересах и (или) в пользу блокируемых лиц, не является основанием возникновения гражданско-правовой ответственности организаций, осуществляющих операции с денежными средствами и (или) иным имуществом, за нарушение условий договора.

В целях защиты национальных интересов и в соответствии с Законом о специальных мерах Президент Российской Федерации поручил Правительству разработать порядок компенсации ущерба, причиненного Российской Федерации или Банку России. Такой порядок, предполагающий контроль со стороны российского суда, должен применяться в случае необоснованного лишения этих субъектов прав на имущество в связи с решениями государственного или судебного органа США. Так, Указом Президента России № 442[24] в названном случае предусмотрено, что компенсация производится за счет определенного имущества США или лиц США, например находящегося в России движимого и недвижимого имущества.

[24] Подробнее см.: Указ Президента РФ от 23.05.2024 № 442 «О специальном порядке компенсации ущерба, причиненного Российской Федерации и Центральному банку Российской Федерации в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки» // СЗ РФ. 2024. № 22. Ст. 2937.

Ограничительные меры (санкции) и ответные и иные меры (антисанкции) теперь не только «ломают» привычный порядок экономической (прежде всего предпринимательской) деятельности, осложненной иностранным элементом (внешнеэкономические связи), но и проникают, как подчеркивает А.В. Габов, во внутренние отношения. Они встраиваются в правовую ткань как обязательное обстоятельство, которое должны учитывать и лица, занимающиеся правотворческой деятельностью на всех уровнях, и участники экономических отношений, и рядовые граждане государств, которые «обменялись» между собой решениями о введении санкций [Габов А.В., 2023: 132].

Российскому правотворцу и правоприменителю в процессе реагирования на недружественные действия иностранных государств важно придерживаться целостного, системного подхода, при котором синергия между разными регулирующими нормативными элементами может способствовать разработке и применению законодательства в сфере защиты государственного суверенитета и интересов российских лиц от противоправных ограничительных мер. В свете этого необходимо также тщательно взвесить способы смягчения[25] нестандартных последствий антисанкционных законов для делового климата России[26], сохраняя их действенность в качестве сдерживающего фактора[27]. Взвешенный и гибкий подход наилучшим образом отвечает стратегии развития России и устойчивому, сбалансированному росту ее экономики. Такой путь способен не только продемонстрировать бескомпромиссный подход к иностранному вмешательству во внутренние дела, но и свести к минимуму избыточные барьеры в повседневных, обыденных коммерческих операциях и в целом улучшить регуляторную среду бизнеса. Соразмерность долж-

[25] Например, возвращение иностранного бизнеса в рамках опционов на обратный выкуп, о чем, собственно, говорил Президент РФ в выступлении 18.03.2025 на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей. Глава российского государства поручил разработать процедуру согласования возвращения зарубежных компаний с обязательными гарантиями добросовестного и ответственного ведения дел в нашей стране. Available at: URL: https://www.kommersant.ru/doc/7586190. (дата обращения: 20.03.2025)

[26] В частности, есть мнение, что основным правовым риском для приобретателя бизнеса в России является возможность признания недействительной сделки, совершенной в нарушение недавно введенных контрсанкционных мер [Volkov S., 2024: 449].

[27] Так, в зарубежной экономической литературе отмечается, что российские контрсанкции на экспорт продовольствия из ЕС в Россию были направлены на серьезное ограничение торговых потоков, что привело к существенным потерям европейских экспортеров [Bělín M., Hanousek J., 2021: 249–250].

на выступать одной из базовых идей, лежащих в основании антисанкционного правового регулирования и оценки легитимности применяемых контрмер.

Как обоснованно подчеркивается в доктрине, после периода турбулентности, когда и для общества, и для законодателя санкции и необходимость адекватного ответа на них стало новой реальностью, а не исключением из прежнего правопорядка, должна совершенствоваться настройка контрсанкционного законодательства [Зараев П.А., 2024: 915–916]. Должны происходить его гармонизация, систематизация, выстраивание в иерархию по юридической силе и взаимосвязанности, необходимы кристаллизация легальных понятий, преодоление их неопределенности путем официального порядка толкования антисанкционных актов.

3. Законы о блокировке как матрица экстерриториальности

Блокирующие законы являются важными вехами в продолжающихся дебатах о незаконности вторичных санкций. Эти законы, как отмечают отдельные исследователи, способны также способствовать установлению нормы обычного международного права, запрещающей государствам вводить экономические и финансовые санкции, имеющие экстерриториальные последствия [Borlini L., 2024: 165].

Сам термин «экстерриториальность» как правило ассоциируется, по мнению Х. Баксбаум, с одним видом практики: односторонними действиями государства при регулировании иностранной деятельности с целью продвижения собственных экономических или политических интересов. Бóльшая часть исследований, посвященных экстерриториальности, как она пишет, сосредоточена на роли международного права в ограничении такой деятельности, то есть на установлении пределов юрисдикции и власти государства в рамках международного порядка [Buxbaum H.L., 2025: 3].

Законы о блокировке, по определению А. Хемлера — это национальные правовые акты, направленные на борьбу с юридическими последствиями иностранного экстерриториального законодательства, они служат делу соблюдения международных принципов в отношении экстерриториального законодательства [Hemler A., 2025: 115]. Законы о блокировке как юрисдикционные контрмеры являют собой, по меткому определению Х. Баксбаум, матрицу экстерриториальности [Buxbaum H.L., 2025: 30]. Весьма трудно спорить со специалистами, полагающими, что государства, которые отреагировали на экс-

территориальные законы США, использовали методы американской политики: они также действовали экстерриториально и применяли ограничительные меры. Поскольку основной целью контрмер была борьба с экстерриториальным действием законов США, оказывается, что некоторые законы о блокировании и ограничении доступа распространяются также на иностранные дочерние компании национальных корпораций.

В то же время с теоретической точки зрения сомнительно рассматривать юрисдикционные контрмеры сугубо в качестве реакции на «международное нарушение государства», «международно-противоправное деяние» со ссылкой на то, что осуществление юрисдикции, безусловно, носит территориальный характер [Кешнер М.В., 2021: 165, 166].

Спорный аспект упомянутого подхода в фокусе теории международной ответственности заключается опять-таки в односторонней по большому счету оценке одним государством, применяющим контрмеры, противоправности того или иного деяния другого актора. Один из специалистов, Е. Кацелли Прукаки, верно пишет, что односторонняя оценка как того, было ли совершено международно-противоправное деяние, так и в правовых требований, необходимых для оправданности контрмер, делает их уязвимыми для злоупотреблений [Katselli Proukaki E., 2010: 281]. К тому же сложилось мнение, что нет необходимости доказывать нарушение государственных интересов при введении законов о блокировании или противодействии; фактически все государства могут применять юрисдикционные ограничения против незаконных экстерриториальных санкций [Seyed Y. Z., 2016: 42, 44].

Встает вопрос о квалификации деяния государства как международно-противоправного с позиции, выработанной столетие назад Постоянной палатой международного правосудия в деле S.S. «Lotus»: международное право оставляет государствам полную свободу в определении содержания их законодательства за исключением случаев, когда норма международного права ограничивает эту свободу[28].

Вдобавок следует проводить различие между осуществлением государственной власти за рубежом и допустимым обычно по международному праву осуществлением внутренней государственной власти в отношении иностранных фактов [Hemler A., 2025: 122–123].

[28] См.: Permanent Court of International Justice: S.S. «Lotus» (France v. Turkey), Judgment of 7 September 1927. Ser. A. No. 10, at 18.

Как государство может упорядочить свою экономику суверенным образом, если другое государство де-факто определяет размер его корпораций, допустимые формы корпоративного сотрудничества или страны, в которые его компаниям разрешен экспорт? Однако все это не означает, по мнению В. Менга, что подобное вмешательство посредством нормативных актов, имеющих иностранный эффект, само по себе противоречит международному праву [Meng W., 1984: 748]. Актуальны слова Э.-Й. Местмекера: до сих пор нет норм международного публичного права, которые серьезно ограничивали бы применение императивных норм национального законодательства [Mestmäcker E.-J., 1988: 253].

Наряду с этим государство вправе утверждать, что оно имело все основания невыполнения международных обязательств в силу обстоятельств, которые известны как «обстоятельства, исключающие противоправность» и в судебном контексте назывались бы защитными аргументами. Среди этих обстоятельств в ст. 22 Проекта статей «Ответственность государств за международно-противоправные деяния», принятого Комиссией по международному праву ООН и одобренного ее Генеральной Ассамблеей[29], выделяются «контрмеры». Те же односторонние санкции США против Ирана, как отмечают некоторые исследователи, могут быть основаны на применении «контрмер» (таких как экономические меры принуждения), если только они не нарушают императивных норм общего международного права[30]. Комиссия по международному праву ООН в комментарии к названному Проекту статьей пояснила, что применение санкции иногда рассматривается как реакция на предшествующее международно-противоправное деяние; исторически более распространенной терминологией были меры «самозащиты» или «самопомощи»[31].

Безусловно, введение экономических ограничений не всегда, как решил Международный Суд ООН в деле «Некоторые иранские активы», совпадает с осуществлением обычных регуляторных полномочий, а государствам необходимо внимательно следить, чтобы ни первые, ни вторые не оказывали деструктивного влияния на ведение

[29] См.: A/RES/56/83. Available at: URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/56/83 (дата обращения: 15.12.2024)

[30] См.: U.S. Sanction against Iran: Breach of International Obligation. Available at: URL: https://moderndiplomacy.eu/2020/06/23/u-s-sanction-against-iran-breach-of-international-obligation/ (дата обращения: 15.12.2024)

[31] См.: Yearbook of the International Law Commission, 2001. Vol. II. Report of the Commission to the General Assembly on the work of its fifty-third session. Geneva, 2007. P. 75. A/CN.4/SER.A/2001/Add.1. Part 2.

бизнеса[32]. Данный Суд счел, что даже если законодательные положения, принятые в США, и их реализация американскими судами были предприняты в законных публичных целях, они все равно привели к нарушению прав иранских компаний, которое было явно несоразмерным по сравнению с уровнем защиты, обеспечиваемой для заявленной цели. Суд пришел к выводу, что принятые США законодательные и судебные меры были необоснованными и противоречили обязательствам, вытекающим из Договора о дружбе с Ираном (§ 1 ст. IV[33])[34].

Дилемма здесь очевидна, поскольку необходимо найти баланс между обязанностью не использовать концепцию основополагающих принципов в качестве щита для глобальной несправедливости и потребностью в решительном устранении серьезных нарушений международного права, которые затрагивают каждое государство. Скорее необходимо основывать обязанность проявлять сдержанность на более общих принципах самоопределения и невмешательства во внутренние дела другого государства [Bowett D.W., 1972: 2–3, 5]; [Bowett D.W., 1976: 246, 248], которые сами по себе следуют из суверенного равенства и независимости государств, что является фундаментальной данностью современного международного права. Упомянутый Закон Великобритании 1980 г. направлен исключительно на обеспечение английской юрисдикции, делая любое ее нарушение необходимым условием для осуществления «блокирующего» права [Lowe A.V., 1981: 262].

Тем не менее ключевым аспектом концепции экономического суверенитета является право государства самостоятельно определять характер своей экономики. Это также может помочь понять, что растущее число законов о блокировании — это не акт реторсии (retorsion) или возмездия, как иногда отмечается [Seyed Y.Z., 2016: 27], а формальное выражение юридической истины, которая может быть утрачена в ходе длительных дискуссий о проблеме экстерриториальности: мир состоит из независимых государств, имеющих суверенные и неотъемлемые права на выбор собственной экономической системы [Lowe A.V., 1985: 746]. Измерение суверенитета

[32] См.: International Court of Justice: *Certain Iranian Assets (Iran v. U.S.)*, Judgment of 30 March 2023. .

[33] Параграф 1 ст. IV Договора о дружбе обязал стороны придерживаться принципа справедливого и равного обращения, а также воздерживаться от применения неразумных или дискриминационных мер, нарушающих их законные права и интересы.

[34] См.: Certain Iranian Assets (Iran v. U.S.). Para 156.

можно толковать как общую свободу действий государства, которая по аналогии с общей свободой действий человека ограничена суверенитетом других государств. Понятие суверенитета, являясь одновременно фундаментальным компонентом международного обычного права и общим принципом международного права, воплощает также исключительную защиту от внешнего вмешательства.

Несомненно, экстерриториальное законодательство, охватывающее факты за рубежом, нуждается в разумном обосновании в фокусе международного права и в отсутствие такой мотивировки может нарушать суверенитет соответствующих государств. Как правило, необходима связь между государством, издающим закон, и иностранным поведением или фактами[35]. Для смягчения проблемы требуется по крайней мере наличие разумного связующего фактора касательно экстерриториального законодательства.

При этом едва ли можно согласиться с утверждением А. Хемлера, что суверенитету государства никогда не может угрожать экстерриториальная сфера применения иностранного закона и поэтому законы о блокировании с доктринальной точки зрения непригодны для защиты этого суверенитета [Hemler A., 2025: 122, 132, 133]. Напротив, любое неразумное экстерриториальное расширение сферы действия закона без соблюдения умеренности в осуществлении юрисдикционной власти потенциально способно затронуть, стеснить полновластие другого суверена на его территории. Это связано не только с негативным прессингом в условиях того же санкционного давления, но зачастую и с необходимостью субъектов государства приноравливаться к применимости более чем одной правовой системы в ходе осуществления внешнеэкономической деятельности. Таковы правовая действительность и естественное следствие современного многонационального мира: в упомянутом деле иранский банк утверждал, что расторжение немецкой компанией ранее заключения контракта было незаконным, поскольку оно придавало юридическую силу заблокированным на территории ЕС законам США.

Избежать воздействия иностранной государственной власти можно лишь в одном случае—не участвовать в международной торговле, но в современном мире это невозможно и нежелательно. Опять-таки, как признал сам А. Хемлер, столкновений с высшей властью гегемонистских государств трудно избежать, особенно в таких областях, как международная торговля или платежи. Политиче-

[35] Available at: URL: https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1040?prd=MPIL (дата обращения: 15.12.2024)

ское давление, вынуждающее соблюдать законы, рассчитанные на экстерриториальное применение, иногда может быть достаточным для их соблюдения за рубежом [Hemler A., 2025: 131].

Таким образом, используя блокирующие законы в качестве внутренних правовых механизмов, государства не только способствуют соблюдению международных стандартов экстерриториального правотворчества, сокращая ссылки на заблокированные иностранные нормы, но и защищают свои суверенные интересы, регулируя степень применимости иностранного права и уменьшая количество нормативных обязательств, которые субъекты данного государства вынуждены порой выполнять vis-à-vis к множеству других правопорядков.

Споры об экстерриториальной юрисдикции продолжаются не одно десятилетие, но в настоящее время их политическое значение значительно и велико. Это вызвано в известной степени тем, что в мировой экономике, основанной на разделении труда, национальное регулирование, которое в первую очередь касается внутренних рынков, также имеет трансграничные последствия. Именно поэтому государственная политика также проявляется как вторичный конфликт в глобальной экономике, если одна противоречит другой на международном уровне [Mestmäcker E.-J., 1988: 206].

Экстерриториальные законы затрагивают международную, внутреннюю, публичную и частную сферы права, и их действие усиливается растущей взаимозависимостью национальных экономик [Senz D., Charlesworth H., 2001: 69]. Не будет преувеличением сказать, что во все более взаимосвязанном мире применение государствами законов за пределами своих территориальных границ становится повседневной реальностью. Экстерриториальность стала «новой нормой» регулирования производных финансовых инструментов (деривативов), ценных бумаг вследствие корреляции современных рынков. Например, некоторые директивы ЕС о требованиях к капиталу распространяют принцип национальности на дочерние компании и филиалы европейских фирм, базирующихся в третьих странах и оффшорных зонах [Hornkohl L., 2022: 15]. Цифровая экономика стала еще одной областью, в которой применение национальных законов за пределами границ государств рассматривается как важное и необходимое средство защиты местных интересов [Takeuchi M., 2023: 164–179]. В некоторых странах, например, в США и Китае, действуют законы, прямо предусматривающие трансграничный характер процедур банкротства, которые применяются ко всем активам должника, включая активы, находящиеся в других государствах.

Иначе говоря, экстерриториальное применение национальных законов является распространенной практикой в современном мире. Это неотъемлемая часть систем регулирования в эпоху мировой интеграции рынков, их взаимопроникновения и взаимозависимости, и экстерриториальные притязания все чаще рассматриваются как ценный инструмент для решения различных общих проблем, таких как транснациональная коррупция, размывание налоговой базы и изменение климата. Вместе с тем чем больше цель национального закона отклоняется от правовых ценностей, применяемых в других странах, тем более тесной должна быть территориальная привязка правовой нормы. С другой стороны, чем больше норма служит целям международного сообщества, тем ниже требования международного права к отношениям между регулирующим государством и регламентируемой ситуацией [Basedow J., 1983: 165–166]. По мнению Э.-Й. Местмекера, если национальное законодательство применяется к отечественным и иностранным компаниям без дискриминации в случае значительных внутренних последствий их деятельности, такое осуществление государственного суверенитета также заслуживает уважения международного юридического сообщества [Mestmäcker E.-J., 1988: 250].

Разумеется, не следует предполагать, что все законы должны вписываться в одни и те же юрисдикционные рамки, границы. Надо думать, что в случаях экстерриториальной юрисдикции существуют разные уровни формальной коллизии между национальными законами и политикой, которые необходимо иметь в виду. Взять, например, получившие закрепление в законодательстве и прецедентной практике некоторых государств и международных документах правила универсальной гражданской юрисдикции за серьезные нарушения международного права, вызывающие всеобщее беспокойство, реализация которых позволяет жертве международных преступлений (пиратство, геноцид и пытки, военные преступления, трудовое рабство) добиться и получить возмещение гражданского вреда, рассказать свою историю и предстать перед гражданским национальным судом вне концепции территориальности[36].

Ни один из подходов к разрешению юрисдикционных коллизий в настоящее время не является оптимальным, поскольку ни один из них пока не способен выработать всеобъемлющего международно-приемлемого свода правил, определенных и конкретных для со-

[36] Например, см.: Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. М., 2023. С. 135–164; Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики / отв. ред. Н.С. Бондарь. М., 2024. С. 358–379.

блюдения национальных законов в надлежащих пределах и позволяющих тем, кого эти законы затрагивают, определить свое правовое положение по отношению к ним. Соответственно случаи, когда корпорации и предприниматели из одного государства обязаны соблюдать законы другого, будут иметь место и впредь. В некоторых из этих случаев «родное» государство будет возражать против того, что в общем плане будет рассматриваться как вмешательство в его внутренние дела.

Едва ли от государств следует требовать, как это иногда предлагается, отказа от всех возможных форм экстерриториального применения их национальных законов в экономической сфере. В противном случае регулирование поведения даже их собственных граждан и организаций, участвующих в международной торговле, как отметил Э.-Й. Местмекер, стало бы затруднительным или невозможным [Mestmäcker E.-J., 1988: 252].

Очевидно, что в современных условиях недостаточно провозгласить принцип исключительной юрисдикции государства на своей территории в качестве отправной точки при решении большинства вопросов, касающихся международных экономических отношений. Ощущается потребность в модернизированной теоретической основе для распределения государственной юрисдикции по регулированию внешнеэкономических торговых и финансовых операций. Ее можно рассматривать как отход от попыток ограничить осуществление суверенитета путем соблюдения противоречивых правил юрисдикции в сторону установления границ рациональной и действенной юрисдикции посредством осуществления национального суверенитета. Сказанное свидетельствует о непригодности крайне консервативных правил юрисдикции государств к регулированию международной торговли, финансов и внешнеэкономической деятельности в условиях трансформации миропорядка.

Заключение

Блокирующие законы являются важными вехами в продолжающихся дебатах о нелегитимности вторичных санкций. В настоящее время российским государством принято значительное количество правовых актов о противодействии иностранным санкциям, что свидетельствует о формировании новейшей модели антисанкционного правового регулирования для борьбы с ограничительными мерами. Чрезвычайно важна дальнейшая гармонизация этого законодательства, а именно его систематизация, выстраивание в иерархию

по юридической силе и взаимосвязанность между собой, необходима кристаллизация легальных понятий, преодоление их неопределенности путем официального толкования.

Пропорциональность должна выступать одной из базовых идей, лежащих в основании антисанкционного правового регулирования и оценки легитимности контрмер. Взвешенный и гибкий подход к решению практических вопросов может способствовать созданию множества путей продуктивного противодействия экстерриториальным санкциям недружественных России государств в сочетании с антисанкционными мерами. Такой путь способен не только продемонстрировать бескомпромиссную позицию в отношении иностранного вмешательства во внутренние дела, но и свести к минимуму избыточные барьеры в повседневных, обыденных коммерческих операциях и в целом улучшить регуляторную среду для бизнеса.

Хотя юрисдикционные контрмеры — законы о блокировании наступают на те же грабли, что и экстерриториальные законы, они образуют необходимый шаг к устранению прежних следов экстерриториальности односторонних иностранных санкций. В их основе лежит имплицитное или эксплицитное предположение, что эти ограничительные меры нарушают суверенитет государства. Внутренний интерес государства в случае антисанкционного регулирования заключается в сокращении количества нормативных обязательств, которые его граждане и организации должны порой выполнять vis-à-vis к другим недружественным государствам, главным образом путем сокращения коллизионных отсылок к блокируемым иностранным несправедливым законам. Тем временем геополитическая конкуренция в этом контексте породила интенсивное, острое юридическое соперничество и коллизии при регламентации экономических отношений в глобальном трансграничном пространстве, современной цивилизации.

Список источников

1. Бакулина П.В., Кузьмина К.А. Политика экономических санкций КНР: правовое регулирование и правоприменительная практика // Финансовый журнал. 2021. № 4. С. 24–38.

2. Бутакова Я.С. Контрсанкции как межотраслевой институт российского права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4. С. 72–80.

3. Габов А.В. Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 3. С. 96–141.

4. Зараев П.А. Контрсанкционные ограничения свободы договора // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. Т. 34. Вып. 5. С. 913–920.

5. Кешнер М.В. Вопросы легитимности ограничения контрмерами экстерриториальной юрисдикции государства // Журнал российского права. 2021. № 3. С. 152–171.

6. Старженецкий В.В., Бутырина В.А., Курицына К.С. Российское антисанкционное регулирование: современное состояние и пути совершенствования // Закон. 2021. № 3. С. 119–142.

7. Basedow J. Das amerikanische Pipeline-Embargo vor Gericht Niederlande: Pres. Rb. Den Haag 17. 9.1982 (Fall Sensor). Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht, 1983, 47. H. 1, S. 141–172.

8. Bělín M., Hanousek J. Imposing sanctions versus posing in sanctioners' clothes: the EU sanctions against Russia and the Russian counter-sanctions. In: Bergeijk P. van (ed.). Research Handbook on Economic Sanctions. Cheltenham: Edward Elgar, 2021, pp. 249–263.

9. Borlini L. Bank Melli Iran v. Telekom Deutschland GmbH. American Journal of International Law, 2024, vol. 118, no. 1, pp. 160–167.

10. Bowett D.W. Economic Coercion and Reprisals by States. Virginia Journal of International Law, 1972, vol. 13, no. 1, pp. 1–12.

11. Bowett D.W. International law and economic coercion. Virginia Journal of International Law, 1976, vol. 16, no. 2, pp. 245–260.

12. Buxbaum H.L. Extraterritoriality in Comparative Context: Defining the Scope of State Law in a Global Era. In: Buxbaum H.L. (ed.). Extraterritoriality in Comparative Perspective. Leiden: Brill, 2025, pp. 3–31.

13. Hartwell C.A. The Economic Effect of Secondary Sanctions on Firms Theory and (Scarce) Evidence. In: T.Ruys et al. (eds.)The Cambridge Handbook of Secondary Sanctions and International Law. Cambridge: University Press, 2024, pp. 37–63.

14. Hemler A. Deconstructing blocking statutes: why extraterritorial legislation cannot violate the sovereignty of other states. Journal of Private International Law, 2025, vol. 21, no. 1, pp. 115–134.

15. Hornkohl L. The Extraterritorial Application of Statutes and Regulations in EU Law (February 16, 2022). Max Planck Institute Luxembourg for Procedural Law. Research Paper Series. No. 2022 (1). 47 p.

16. Hufbauer G.C., Jung E. Economic sanctions in the twenty-first century. In: Bergeijk P. van (ed.). Research Handbook on Economic Sanctions. Cheltenham: Edward Elgar, 2021, pp. 26–43.

17. Kamminga M.T. Extraterritoriality. Max Planck Encyclopedia of International Law. Available at: URL: https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1040?prd=MPIL (дата обращения: 15.12.2024)

18. Katselli Proukaki E. The problem of enforcement in international law: countermeasures, the non-injured state and the idea of international community. London: Routledge, 2010. 331 p.

19. Liu G.A. Critical Appraisal on China's Blocking Statutes from a Private Actor's Perspective. Chinese Journal of Transnational Law, 2024, iss. 2. pp. 154–175.

20. Lowe A.V. Blocking Extraterritorial Jurisdiction: The British Protection of Trading Interests Act, 1980. American Journal of International Law, 1981, vol. 75, no. 2, pp. 257–282.

21. Lowe A.V. The Problems of Extraterritorial Jurisdiction: Economic Sovereignty and the Search for a Solution. International and Comparative Law Quarterly, 1985, vol. 34, iss. 4, pp. 724–746.

22. Meagher D. Caught in the Economic Crosshairs: Secondary Sanctions and the American Sanctions Regime. Fordham Law Review, 2020, vol. 89, iss. 3, pp. 999–1030.

23. Meng W. Völkerrechtliche Zulässigkeit und Grenzen wirtschaftsverwaltungsrechtlicher Hoheitsakte mit Auslandswirkung. Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht, 1984, Bd. 44, S. 675–783.

24. Mestmäcker E.-J. Staatliche Souveränität und offene Märkte: Konflikte bei der extraterritorialen Anwendung von Wirtschaftsrecht. Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht, 1988, H. ½, S. 205–255.

25. Ryngaert C. Interpreting an unsatisfactory EU Blocking Statute: Bank Melli Iran. Common Market Law Review, 2023, vol. 60, issue 2, pp. 517–531.

26. Ryngaert C., Ruys T., Rodríguez Silvestre F. Secondary Sanctions in the International Legal Order. In: T. Ruys et al. (eds.) The Cambridge Handbook of Secondary Sanctions and International Law. Cambridge: University Press, 2024, pp. 1–10.

27. Senz D., Charlesworth H. Building Blocks: Australia's Response to Foreign Extraterritorial Legislation. Melbourne Journal of International Law, 2001, vol. 2, iss. 1, pp. 69–121.

28. Seyed Y.Z. Jurisdictional Countermeasures versus Extraterritoriality in International Law. Russian Law Journal, 2016, vol. 4, no. 4, pp. 27–45.

29. Takeuchi M. Asian experience with extraterritoriality. In: Parrish A., Ryngaert C. (eds.) Research Handbook on Extraterritoriality in International Law. Cheltenham: Edward Elgar, 2023, pp. 164–179.

30. Toms B.C. The French Response to the Extraterritorial Application of United States Antitrust Laws. International Lawyer, 1981, vol. 15, no. 4, pp. 585–608.

31. Volkov S. Between Scylla and Charybdis: Sanctions Compliance for International Companies Divesting from Russia. Virginia Journal of International Law, 2024, vol. 64, iss. 2, pp. 453–454.

References

1. Bakulina P.V., Kuzmina K.A. (2021) China's Policy of Economic Sanctions: Legislation and Enforcement. *Finansovyj zhurnal*=Financial Journal, vol. 13, no. 4, pp. 24–38 (in Russ.)

2. Basedow J. (1983) Das amerikanische Pipeline-Embargo vor Gericht Niederlande. Pres. Rb. Den Haag 17.9.1982 (Fall Sensor). *Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht*, 47. Jahrg, H. 1, pp. 141–172.

3. Bělín M., Hanousek J. (2021) Imposing sanctions versus posing in sanctioners' clothes: the EU sanctions against Russia and the Russian counter-sanctions. In: P. van Bergeijk (ed.) Research Handbook on Economic Sanctions. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 249–263.

4. Borlini L. (2024) Bank Melli Iran v. Telekom Deutschland GmbH. *American Journal of International Law*, vol. 118, issue 1, pp. 160–167.

5. Bowett D.W. (1972) Economic Coercion and Reprisals by States. *Virginia Journal of International Law*, vol. 13, no. 1, pp. 1–12.

6. Bowett D.W. (1976) International Law and Economic Coercion. *Virginia Journal of International Law*, vol. 16, no. 2, pp. 245–260.

7. Butakova Ya. S. (2023) Counter-sanctions as an Inter-Sectoral Institution of Russian Law. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*=Journal of Voronezh State University. Series: Law, no. 4, pp. 72–80 (in Russ.)

8. Buxbaum H. L. (2025) Extraterritoriality in Comparative Context: Defining the Scope of State Law in a Global Era. In: H.L. Buxbaum (ed.) Extraterritoriality in Comparative Perspective. Leiden: Brill, pp. 3–31.

9. Gabov A.V. (2023) Anti-Sanction Measures in Russian Law. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*=Works of the Institute of State and Law, vol. 18, no. 3, pp. 96–141 (in Russ.)

10. Hartwell C. A. (2024) The Economic Effect of Secondary Sanctions on Firms Theory and (Scarce) Evidence. In: Cambridge Handbook of Secondary Sanctions and International Law, pp. 37–63.

11. Hemler A. (2025) Deconstructing Blocking Statutes: why Extraterritorial legislation cannot violate the sovereignty of other states. *Journal of Private International Law*, vol. 21, no. 1, pp. 115–134.

12. Hornkohl L. (2022) Extraterritorial Application of Statutes and Regulations in EU Law. Max Planck Institute Luxembourg for Procedural Law. Research Paper Series, no.1, 47 p.

13. Hufbauer G., Jung E. (2021) Economic sanctions in the twenty-first century. In: P. van Bergeijk (ed.) Research Handbook on Economic Sanctions. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 26–43.

14. Kamminga M. Extraterritoriality. In: Max Planck Encyclopedias of International Law. Available at: URL: https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1040?prd=MPIL (дата обращения: 15.12.2024)

15. Katselli Proukaki E. (2010) *The Problem of Enforcement in International Law: Countermeasures, the Non-Injured State and the Idea of International Community*. London: Routledge, 331 p.

16. Keshner M.V. (2021) Legitimacy of Restriction by Countermeasures of Extraterritorial Jurisdiction of the State. *Zhurnal rossijskogo prava*=Journal of Russian Law, vol. 25, no. 3, pp. 152–171 (in Russ.)

17. Liu G. (2024) A Critical Appraisal on China's Blocking Statutes from a Private Actor's Perspective. *Chinese Journal of Transnational Law*, issue 2, pp. 154–175.

18. Lowe A.V. (1981) Blocking Extraterritorial Jurisdiction: The British Protection of Trading Interests Act, 1980. *American Journal of International Law*, vol. 75, no. 2, pp. 257–282.

19. Lowe A.V. (1985) The Problems of Extraterritorial Jurisdiction: Economic Sovereignty and the Search for a Solution. *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 34, issue 4, pp. 724–746.

20. Meagher D. (2020) Caught in the Economic Crosshairs: Secondary Sanctions and the American Sanctions Regime. *Fordham Law Review*, vol. 89, issue 3, pp. 999–1030.

21. Meng W. (1984) Völkerrechtliche Zulässigkeit und Grenzen wirtschaftsverwaltungsrechtlicher Hoheitsakte mit Auslandswirkung. *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht,* Bd. 44, pp. 675–783.

22. Mestmäcker E.-J. (1988) Staatliche Souveränität und offene Märkte: Konflikte bei der extraterritorialen Anwendung von Wirtschaftsrecht. *Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht*, H. ½, pp. 205–255.

23. Ryngaert C. (2023) Interpreting an Unsatisfactory EU Blocking Statute: Bank Melli Iran. *Common Market Law Review*, vol. 60, issue 2, pp. 517–531.

24. Ryngaert C. et al. (2024) Secondary Sanctions in the International Legal Order. In: T. Ruys (eds.) The Cambridge Handbook of Secondary Sanctions and International Law. Cambridge: University Press, pp. 1–10.

25. Senz D., Charlesworth H. (2001) Building Blocks: Australia's Response to Foreign Extraterritorial Legislation. *Melbourne Journal of International Law*, vol. 2, issue 1, pp. 69–121.

26. Seyed Y. Z. (2016) Jurisdictional Countermeasures Versus Extraterritoriality in International Law. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Russian Law Journal, vol. 4, no. 4, pp. 27–45.

27. Starzhenetsky V.V., Butyrina V.A., Kuritsyna K.S. (2021) Russian Anti-Sanctions Regulation: Current State and Ways of Improvement. *Zakon*=Statut, no. 3, pp. 119–142 (in Russ.)

28. Takeuchi M. (2023) Asian Experience with Extraterritoriality. In: A. Parrish, C. Ryngaert (eds.). Research Handbook on Extraterritoriality in International Law. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 164–179.

29. Toms B. C. (1981) The French Response to the Extraterritorial Application of United States Antitrust Laws. *International Lawyer*, vol. 15. no. 4, pp. 585–608.

30. Volkov S. (2024) Between Scylla and Charybdis: Sanctions Compliance for International Companies Divesting from Russia. *Virginia Journal of International Law*, vol. 64, issue 2, pp. 453–454.

31. Zaraev P.A. (2024) Counter-Sanctional Restrictions on Freedom of Contract. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo*=Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law, vol. 34, no. 5, pp. 913–920 (in Russ.)

Информация об авторе:

А.И. Щукин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

A.I. Shchukin — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 30.07.2025; принята к публикации 04.08.2025.

The article was submitted to editorial office 23.06.2025; approved after reviewing 30.07.2025; accepted for publication 04.08.2025.